

БИБЛИОТЕКА
УТЕШЕСТВИЙ
И
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

А. СОКОЛОВ

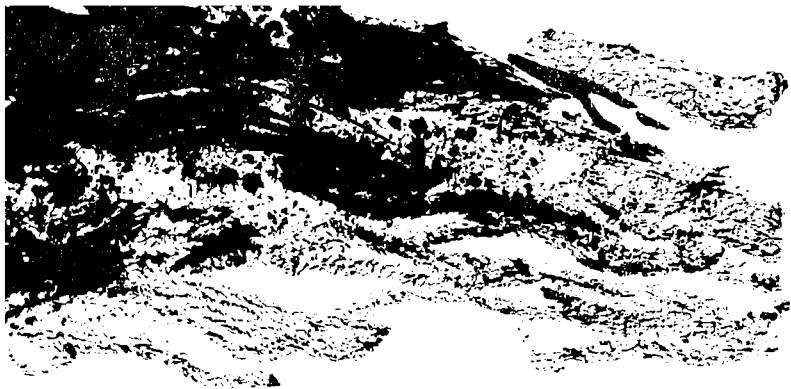
ПЛАМЯ НАД ТАЙГОЙ

Выпуск 7

Пермское книжное издательство
Пермь-1962

А. СОКОЛОВ

**ПЛАМЯ
НАД
ТАЙГОЙ**

Бескрайны лесные просторы Западного Урала. Не даром зовут его краем зеленого золота. Лес — народное достояние, его нужно беречь. А врагов у него много, и самый страшный из них — пожары. Вот почему каждое лето бдительно несут службу охраны лесов воздушные пожарные — парашютисты, готовые в любую минуту вступить в борьбу с огнем, где бы он ни появился.

Трудна и опасна служба парашютистов-пожарных. О том, с какими неожиданностями им приходится встречаться, как, рискуя жизнью, берегут они народное добро, рассказывается в книге А. Соколова «Пламя над тайгой».

Автор этой книги журналист Анатолий Викторович Соколов родился в 1931 году в с. Ярково Тюменской области. В 1953 году закончил Пермский университет, работал в газетах «Молодая гвардия» и «Звезда». В этих газетах и в альманахе «Нашим ребятам» печатал зарисовки, очерки, рассказы. «Пламя над тайгой» — его первая книга.

Художник Ю. К. Лихачев

ПРЫГАТЬ БУДУТ ДВОЕ

По спине пробежал холодок, будто за ворот попала капля осеннего дождя. Владимир покосился на пилота. Тот сидел с невозмутимо-спокойным лицом.

«Не заметил», — подумал Быстров и, толкнув пилота локтем, показал на сероватую струйку дыма, что вилась далеко-далеко в стороне.

— Вижу, — спокойно кивнул пилот.

Владимир с недоверием проворчал:

— Все видят, когда покажешь.

Быстров был самым молодым летным наблюдателем авиационной базы охраны лесов, он работал лишь второй сезон. Свою профессию Владимир считал единственно достойной настоящего мужчины. На улицах он с сожалением посматривал на сверстников.

«Бедные, — думал Быстров, — по семь часов сидят на одном месте... Стол, стул, бумага... С ума сойти». То ли дело его работа!.. Каждый день бороздит он небо над лесными просторами. До боли в глазах вглядывается в горизонт: не покажется ли где предательский дымок — спутник пожара. Он, Владимир, в ответе за зеленое богатство Западного Урала — лес. По его сигналу парашютисты — воздушные пожарные в любой момент готовы ринуться вниз, чтобы бороться с огнем. Разве может быть что-нибудь интереснее и романтичнее?

Пожалуй, больше всего это преклонение перед своей профессией проявлялось у Владимира в записях, которые он делал в дневнике. Записи поражали своей цветистостью. Об одном пожаре было сказано, что он «бушевал со страшной силой, словно лютый зверь», а о пожарных — что они «самоотверженно ринулись в дверцу самолета, как солдаты в штыковую атаку».

На одном из первых листов была такая запись.

«Впервые самолеты на тушении пожаров были применены в 1936 году, когда создали четыре авиационных отряда. Один из них нес патрульную службу над лесами Прикамья. Американцы тогда только собирались использовать самолеты в этих целях». И в скобках торжествующее: «Ага, отстали!»

А вот что писалось о лесных пожарах.

«Их всего три вида.

Первый самый коварный — подземный. Торф горит, дыма на поверхности много, а пламени не видно. Но только допусти, вырвется пожар наружу — и тогда держись...

Второй — низовой. Низом идет, по траве, по кустарникам, по лесной подстилке. Вроде бы не очень быстрый, а лес губит весь.

Третий — самый буйный. Мчится по вершинам деревьев, да так, что даже птицы не всегда успевают спастись от него».

И сожалеющая приписка: «Не везет: ни разу не был на верховом пожаре. Завидно, когда другие рассказывают. Вот где рождаются герои!..»

На другой странице под краткой записью о пожаре, который четверо парашютистов потушили за несколько часов, мелким бисером было написано:

«В Австралии только в 1939 году лесными пожарами было уничтожено 600 домов, 67 лесопильных заводов и несколько миллионов гектаров леса.

И у нас раньше не лучше бывало. В 1737 году царица Анна Иоанновна писала из Петербурга генералу Ушакову: «Здесь так дымит, что окошка открыть нельзя. И все оттого, что по-прошлогоднему горит лес. Нам очень удивительно, что никто не смотрит, как оные пожары удержат, и уже горит не первый год...»

«Вот так-то, — торжествовал молодой летнаб, — дымок, значит, тебе не понравился!.. Где вам, царям, с пожарами бороться! А мы и самолеты, и вертолеты применяем, и специальные огнетушительные жидкости наши ученые создали, и бомбить пожары начинаем. Охраняем народное добро».

Да, любил Владимир Быстров свою профессию воздушного пожарного, знал, как она трудна и опасна, и мечтал совершить какой-нибудь геройский подвиг, поразить всех своим умением, своей смелостью.

Вот и сейчас, пока самолет шел к столбу дыма, Владимир, удобно откинувшись в кресле, представлял себе, как станет он самым лучшим летнабом базы, как ему будут давать на выучку других и перестанут посылать с ним такого опытного «волка», как инструктор отделения Иван Яровой.

Стоило Быстрову вспомнить о ближайшем соратнике, как он сразу помрачнел. Рядом с Яровым Владимир чувствовал себя не то чтобы лишним, но и не хозяином.

Летнаб крикнул парашютистам, чтобы они готовились, а сам достал патрульную карту и начал наносить на нее место пожара. Вскоре у него на лбу от напряжения выступил пот. Это только в руководстве все просто: найди на земле выдающиеся предметы, потом отыщи их на карте, свизируй, и пересечение линий даст координаты пожара. Попробуй свизируй, если летят они в таких глухих местах, где самый выдающийся предмет — лес. Лес без конца и без края.

Услыхав предупреждение летнаба, Иван Яровой — высокий, широкоплечий, жилистый — поднялся, приткнувшись загорелым лицом к окошку-иллюминатору и стал хмуро вглядываться в дым, который спиралью ввинчивался в небо.

Что за дены!.. Не успели вылететь, а уже третья тревога. Хорошо, что хоть первая оказалась ложной — костер. Зато в другом месте пришлось выбро-

снять сразу трех парашютистов. И вот снова дым... Для них, воздушных пожарных, — это сигнал тревоги — снова кому-то предстоит идти на тяжелое и опасное дело.

Восемь человек в отделении, но как редко собираются они летом все вместе! То в одиночку, то сразу по нескольку человек прыгают к пожарам в этих глухих таежных местах. Возвращаясь, бойцы, соскучившиеся по товарищам, могут часами рассказывать о своих похождениях, слушать новости о делах своего и соседних отделений.

Восемь... А сейчас только пятеро. Стоят, припечатав носы и лбы к иллюминаторам, изучают пожар. Каждый готов по первому сигналу спрыгнуть вниз. И крепыш Николай Сидоров, и суетливый Алеша Ромин, и Петя Шелест, которого зовут ходячей энциклопедией: разбуди его среди ночи — ответит на любой вопрос о борьбе с лесными пожарами, и флегматичный Вася Копин...

Самолет кружил в поисках удобной площадки, на которую можно было бы выбросить парашютистов и необходимое снаряжение. Круг, еще круг, еще...

Внизу лежал огромный мохнатый зеленый ковер, накиннутый на холмы Предуралья. Быстрые реки, рассекавшие его, несли свои воды в Каму. На юге массива леспромхозы уже начали отрезать от этого богатого ковра один кусок за другим. Там кипела жизнь. А здесь, на севере, под крылом самолета ни деревеньки, ни домика. Только гул мотора пугает замшелую тишину.

В десяти километрах от пожара, в ковре, мелькнула маленькая дырка, на дне ее матово поблескивала вода: лесное болото. Иван с сожалением подумал, что такая площадка, конечно, не находка, но,

прикинув, решил, что можно прыгнуть и здесь. Однако летнаб в ответ на его предложение отрицательно покачал головой:

— Поищем еще. Опасно.

И снова бороздит небо самолет. Круг... Еще круг... Еще... И все дальше и дальше столб дыма, все ниже и ниже сходятся на переносице густые, вразлет брови Ярового. Для парашютистов каждый новый круг — это лишние километры пути через бурелом и овраги. Это усталость в спине и ногах от тяжелого груза за плечами. А главное — это потеря времени, а значит — и потеря лишних гектаров леса.

И обидно, когда эти богатства гибнут из-за халатности растяпы, который поленился затушить папиросу, костер или спичку — ведь именно из-за этого начинается большинство пожаров. Обидно, что летнаб излишне осторожничают, не верит в парашютистов.

Было с чего хмуриться...

Удобную площадку нашли только километрах в тридцати от пожара. Для здешних мест она была почти идеальной — на ней рос мелкий и редкий кустарник. Но Быстров, довольно потиравший руки, не заметил в глазах Ярового восторга.

— Ты чем еще недоволен? — раздраженно спросил Владимир.

— А чему радоваться?

— Аэродром, а не площадка. Порядочек.

— Из-за этого «порядочка» пожар так разгуляется, что потом его вдесятером не удержишь.

— Сам видел, ближе нет, — вздохнул летнаб.

— А болото?

— В такую дыру не сразу попадешь. Да и утонешь еще...

Яровой принялся доказывать, что прыгать на лесное болото не так уж опасно — если боец и провалится, то с парашютом все равно не утонет. Ну, а площадка... Что ж, приходилось прыгать и на меньшие. На тренировках и не на такие попадали.

Владимир кивал головой, но что-то не давало ему согласиться с инструктором. Спешка спешкой, но он не может подвергать парашютистов излишнему риску. Уж такова его обязанность.

Но и Яровой не сдавался.

— Ты вспомни, — кричал он на ухо Владимиру, — как мы в прошлом году на огород приземлялись. Там еще опаснее было. Труба...

Владимир усмехнулся. Этот случай долго вспоминали на авиабазе. Парашютистов пришлось выбросить на полянку, где хозяева трех домиков сумели построить всего одну баню — на две другие уже не хватило места. За домами был крохотный огород. На него-то и нужно было приземлиться двум парашютистам. Первый приземлился удачно. А Яровой зацепился ногой за трубу на бане. Хозяева сначала помогли бойцам потушить пожар, а потом уж отругали за сломанную трубу.

— Случись ведь что с вами, с меня начальник авиабазы три шкуры снимет, — вздохнул Владимир.

— А ты не бойся!

— Сам собираешься?

— Конечно. И одного добровольца.

— Ладно уж...

Обрадованный Яровой тут же заспешил в кабину к пожарным.

Алеша Ромин уже собрался было крикнуть, что готов добровольно прыгать хоть на море, но так заволновался, что в горле у него запершило. И он опоздал. Его товарищ, широкоплечий и широколицый Николай Сидоров, пружинисто вскочил со своего места:

— Бери меня, инструктор.

Иван кивнул — согласен.

Только тут Алеша пришел в себя.

— А меня? — срывающимся от обиды тенорком спросил он, умоляюще глядя на летнаба и инструктора. — У меня и так меньше прыжков.

— Уговор дороже денег, — сказал Николай, а сам насмешливо подмигнул Алеше, — порасторопнее надо быть, друже.

Тот бросил на него возмущенный взгляд.

Оба — Николай и Алеша — пришли в отделение вместе, демобилизовавшись из армии. Хороший спортсмен, Николай быстро освоился с новым делом, вошел во вкус. Алеша же овладевал новой профессией трудно. И силенок у него было маловато, и ловкостью природа обделила. Но упорству его можно было позавидовать. Чтобы поднакопить мускулов, он всю зиму колот и пилил дрова, тренировался на гимнастических снарядах. Николай во всем помогал другу. Но уступить ему право прыгать на пожар — этого он не мог сделать.

— Прыгать на болото разрешаю только двоим, — тоном, не допускающим возражений, предупредил Быстров.

— Но... — не сдавался Алеша.

— И только лучшим, — продолжал, не слушая его, летнаб.

Алеша опустил голову, перестал спорить. Не то

чтобы он побаивался начальства, просто чувствовал себя виноватым. На последних тренировочных прыжках подвел все отделение — не попал в контрольный круг.

Самолет подходил к болоту. Яровой с тревогой вглядывался в поваленный ветром столб дыма. Не нравился ему этот пожар: время самое опасное, уже недели две не было дождя, да еще ветер. Он подошел к летнабу.

— Надо бы на помощь леснику кого-нибудь из наших сбросить. Чтобы побыстрее народ собрали. И хорошо бы Ромина — парень совсем закиснуть может.

Владимир вспомнил, каким расстроенным было лицо у Алеши, и согласился.

— Это верно, надо его пускать в дело.

— Значит, договорились?

— Договорились.

Владимир исчез в кабине, с сожалением отметив про себя, что снова он сделал все так, как хотел инструктор. И опять почувствовал неловкость и раздражение.

Иван положил тяжелую руку с длинными, тонкими пальцами на плечо Алеше.

— Будешь прыгать на помощь леснику.

— А летнаб?

— Он знает. Пожар будет трудный, поэтому надо, чтобы помощь пришла побыстрее.

— Да я...

— Верю.

И сразу приободрился Алеша, засуетился, даже шлем натянул.

— Да ты сними, сними, — крикнул ему Николай, — прыгать тебе еще не скоро. Глядишь, лиш-
ний волосок вырастет.

Белесые тонкие волосы на голове Алеши поряд-
ком поредели, на висках уже образовались высокие
залысины, а макушка весьма подозрительно поблес-
кивала на солнце. Все знали, что это очень удручает
Алешу. Однажды Николай в шутку начал доказы-
вать ему, что если ходить с непокрытой головой, то
волосы не будут вылезать, а может быть, даже
вырастут.

Алеша верил и не верил, но, не обращая внимания
на постоянные насмешки товарищей, часто снимал
шлем. Стянул он его и на этот раз.

ОПАСЕНИЯ ПОДТВЕРЖДАЮТСЯ

Самолет снизился до
четыrehсот метров.
Горизонт сузился, но бо-
лотце, примостившееся
между двумя холмами,
хотя и стало заметнее,
по-прежнему казалось со-
всем маленьким.

Первый пристрелочный
парашютик, сбрасывае-
мый, чтобы определить
место, над которым нужно прыгать бойцу, прота-
щило в «молоко». Второй шел точно по центру бо-
лота, но «не дотянул». Быстров произвел нужные
расчеты и крикнул, что можно готовиться.

Самолет лег на нужный курс. Иван, придерживая

парашют, распахнул дверцу, заглянул вниз. Под крыльями бежала тайга, было видно, как тень самолета проносится по верхушкам деревьев. И оттого, что болота даже не было видно, а тайга выглядела негостеприимно, у Ивана сжалось сердце.

Раздался длинный сигнал сирены: «Приготовиться!» И сразу исчезла тревога, ее сменило сосредоточенное напряжение, какое Иван испытывал перед каждым прыжком.

Два раза взвыла сирена, и Яровой, с силой оттолкнувшись, выпрыгнул из самолета. Через две секунды над головой выстрелил раскрывшийся купол парашюта и наступила звенящая тишина.

Яровой отлично знал, что опытный парашютист не беспомощен в воздухе. Натянул левую группу строп — пошел вправо, натянул правую группу — потянуло влево. Наклонил купол парашюта вперед — словно с горки покатился. Развернул киль купола навстречу движению — будто хорошие тормоза включил.

Подруливая стропами, как шофер рулем, Иван снижался прямо к болоту. Все шло хорошо, но смутное чувство надвигающейся опасности не покидало его. Где она подстерегает, эта опасность? На болоте? Возможно. А может быть, еще в воздухе? Кому-кому, а Яровому доподлинно известно, что воздух не прочь зло подшутить над парашютистом. Вовек не забыть одного необычного полета...

Случилось это, когда Иван только-только пришел на авиационную базу охраны лесов. Молодой парашютист с изумлением, которое смешивалось с недоверием, слушал, что рассказывал инструктор.

А говорил тот удивительные вещи. Что воздух земной атмосферы имеет огромный вес: если бы удалось положить его на одну из чашек больших-пребольших весов, то на другую пришлось бы бросить тринадцать Кавказских хребтов со всеми их маленькими и большими отрогами, с Эльбрусом и Казбеком. Что воздух только для дурака пустое место. Для опытного парашютиста он, как вода для пловца.

После двух тренировочных прыжков Иван запомнил только чувство страха, наступавшее, когда он выглядывал в дверцу самолета, да то, как громко кричал в воздухе, кричал от радости.

Тогда лето стояло жаркое, без дождей. Трава пожухла раньше времени. Каждый день в лесах, которые охраняло их отделение, вспыхивали пожары. Бойцов не хватало, новичков сразу пускали на дело.

Дошла очередь и до Ивана. Прыгал он последним, товарищи уже благополучно приземлились. Поначалу и у него все шло как полагается. Но немного погодя Яровому показалось, что он не опускается, а идет вверх, поднимается. Недоумевая, Иван осмотрелся и вдруг заметил, что его несет прямо к Каме, которая протекала в километре.

Не зная, что предпринять, Иван начал дрыгать ногами.

Не помогло.

Поляна, на которой стояли товарищи, осталась позади. Уже и Кама надвигается — широкая, сверкающая на солнце, с обрывистым ближним берегом и покрытым кустарником противоположным.

Возможность оказаться в воде со всем снаряжением, с парашютом показалась Яровому такой страшной, что он выпустил стропы и начал загребать руками вниз.

Не помогло.

Тогда Иван закрыл глаза и повис, словно мешок, привязанный к грузовому парашюту. Будь что будет.

Над Камой восходящий поток теплого воздуха, в который попал Яровой, сразу ослаб, хлебнув речного холодка. Ивана резко бросило вниз. Хорошо — запас высоты был большой, и — парашютиста протащило на противоположный берег.

Пока Яровой выпутывался из кустов, пока перебирался через реку, с пожаром было покончено. Долго еще допекали Ивана насмешники, спрашивая, каким стилем он плавал в воздухе.

— Снизу походило на вольный... Когда человек как топор плавает...

С тех пор Яровой не совсем доверял воздуху. Да и не зря: восходящие потоки — это только один из подвохов. Сколько их еще... И только увидев гладь воды с пупырышками-кочками, успокоился Иван. Решил, что все опасности позади...

Рано успокоился.

Пока Яровой опускался, самолет летал вокруг парашютиста. Товарищи наблюдали за инструктором. Когда он скрылся за частоколом елей, росших по краям болота, у всех вырвался вздох облегчения. Восторженный Алеша Ромин, размахивая шлемом, спрашивал:

— Видали, как он, а? Видали?

Самолет снизился и пронесся над болотом. На мгновение мелькнула маслянистая коричневая поверхность. Но и за этот короткий миг все успели заметить, что Иван лежит в какой-то странной, неудобной позе — лицом вниз, вытянув вперед руки.

Самолет круто развернулся. Вот и снова болото.

Иван лежал на прежнем месте.

— Что же это с ним, ребята? — жалобно пробормотал Алеша, который всегда легко переходил от радости к тревоге.

Быстров сидел, растерянно поглаживая планшетку с маршрутной картой. Он отчаянно ругал себя за то, что и на этот раз по привычке послушался опытного инструктора. Ведь сомневался, знал, что это большой риск... Ведь он, Владимир Быстров, отвечает за безопасность бойцов!

От этих неприятных мыслей летнаба оторвал Алеша Ромин.

— Что тебе? — повернулся летнаб.

— Можно мне с Николаем? Если у Ярового...

— Тебе?!

Против желания Быстрова в вопросе прозвучало откровенное недоверие. Алеша почувствовал это, смутился и замолчал. Самолет в третий раз пронесся над болотом. Все успели заметить, что Яровой бродит по воде, складывает парашют.

— Фу ты, как напугал, — облегченно вздохнул Быстров. Достав из кармана аккуратно сложенный носовой платок, он вытер испарину на лбу.

— Да он купался, наверное, ребята! — закричал Николай.

Все смеялись, хотя каждый задавал себе вопрос — что же все-таки случилось у Ивана?

А случилось вот что...

Перед приземлением Яровой сделал все, как полагается: корпус наклонил чуть-чуть назад, согнул ноги в коленях. Когда на твоём счету более двухсот прыжков, это получается само собой.

Но все пошло совсем не так, как обычно. Ноги не почувствовали толчка, мягко провалились в жидкое месиво, и когда парашют рванул Ивана вперед, за

них будто кто-то крепко уцепился. «Так можно и сломать...» — успел подумать Яровой и ткнулся лицом в грязь.

В уши и нос залилась вода, грязь залепила глаза. Вытягивая шею, Иван старался удержать голову над взбаламученной поверхностью болота. Мучительно хотелось провести рукой по лицу, но парашют продолжал тянуть вперед, и Яровой удерживал его стропами.

Тяжело пахло тиной, застоялой водой. Возле самого носа выпрыгивали пузырьки. Оправившиеся после первого испуга, маленькие жучки-водомеры вновь почувствовали себя хозяевами и, покачиваясь на длинных ножках, нахально заглядывали в глаза.

Занятый борьбой с парашютом, Яровой не слышал, как самолет в первый раз пронесся над ним. Только когда гул мотора раздался во второй раз, он рывком вскочил на ноги и, прижимая шею потуже к воротнику, чтобы грязь не текла за ворот, начал складывать парашют.

Когда самолет в третий раз вынырнул из-за верхушек елей, Иван раздраженно помахал рукой — хватит летать без толку. На следующем заходе от самолета отделилась маленькая фигурка. Иван залюбовался четкой работой парашютиста, который уверенно приближался к цели. Николаю оставалось всего несколько метров до поверхности болота, когда Яровой спохватился и закричал:

— Ноги подожми! Ноги! Садись на пятую!

Николай понял и, поджав ноги, тяжело плюхнулся в воду «на пятую точку». Брызги разлетелись в разные стороны.

— С приездом, — засмеялся Иван. — Как приземление?

— Как дома на мягком диване.

— А ты хорош...

— И ты тоже.

Было два часа дня, самый солнцепек, но здесь, возле болота, стояла прохлада и полумрак. Ветер раскачивал вершины деревьев, и стволы их скрипели жалобно и глухо. Не верилось, что неподалеку гудит пожар, языки пламени бросаются на деревья, ползут по мягкой лесной подстилке.

Иван тщательно готовился в путь, мыл лицо и руки, стирал грязь с сапог и комбинезона. Потом сел на поваленную ель, достал чистые портянки и начал переобуваться.

— А ты? — вскинул Яровой глаза на Николая, который уже нетерпеливо переступал с ноги на ногу. — Ноги-то тоже сырые.

— По жаре это даже приятнее.

Иван неодобрительно нахмурился:

— В нашем деле ноги не последнее дело.

— Да у меня и портянок запасных нет.

— Почему?

— Никогда не беру.

— Учти — это в последний раз, буду проверять.

Иван подошел к Николаю, тщательно проверил снаряжение. В цепких и сильных руках, которые уверенно поворачивали его, Николай чувствовал себя маленьким.

— А теперь пошли, — сказал Иван.

У Ивана была быстрая, упругая походка, он нырлял под ветки, низко висевшие над землей, проскальзывал между тесно стоящими стволами, легко переступал через сгнившие деревья. Не чувствова-

лось, что за спиной у него около тридцати килограммов груза. Николай еле успевал следом. Лес, который словно расступался перед Яровым, снова вставал стеной перед молодым парашютистом. Ветки били его по лицу, он проваливался в труху прогнивших стволов. А спускаясь в глубокий овраг, повис на распустившихся стропях парашюта. Пришлось Ивану взбираться наверх, чтобы освободить незадачливого товарища.

Идти Николаю с каждой минутой становилось тяжелее. Груз давил на плечи, руки от лямок затекли. Вдобавок ко всему каждый шаг отдавался острой болью в пятках — ноги были уже смозолены. Николай поджимал пальцы ног, чтобы пятки не касались сапог, но это мало помогало. Старался думать о том, что такова уж судьба парашютиста. Сначала прыжок в неизвестность, потом тяжелый переход. Не знаешь даже, что трудней — добраться до пожара или потушить его. Сколько раз случалось, что огонь они побеждали за несколько часов, даже устать по-настоящему не успевали. Зато как трудно было попасть на эти пожары!

Но и эти мысли не облегчали боли. Только самолюбие не позволяло ему окликнуть Ярового, признаться, что он устал, взмолиться о помощи. Но и самолюбие кончалось. Он уже совсем было хотел сдаться, когда Иван вдруг остановился.

— Шабаш, — сказал он. — Надо передохнуть и поесть в спокойной обстановке. Самолет и тот без заправки не летает.

Николай, не снимая снаряжения, повалился на землю.

— Я думал, ты вообще не устаешь...

Иван засмеялся, показывая ровные белые зубы.

— Почему не устаю? Устаю. Только тогда я песни пою. Про себя. Здорово помогает. Сам, наверное, помнишь, как в армии строем ходили.

Он сел и начал стягивать сапоги.

— Вот и за ногами следить — тоже армейская привычка. И ты разужайся, пусть ноги подышат.

Николай потянул сапог и даже вскрикнул от боли. Только теперь, после небольшой передышки, он почувствовал, как горят мозоли. Встревоженный Иван долго рассматривал кровавую мозоль на его правой ноге и большой желтоватый волдырь на левой. Потом вдруг торопливо обулся, приказал Николаю готовить поесть.

— А ты куда?

— Тут недалеко. Когда шли, видел одно растеньице. Старики говорят, боль от ожогов и мозолей облегчает.

Вернулся Иван минут через пятнадцать, неся в пригоршне какое-то растение с большими и широкими листьями.

— Еле нашел.

Он осторожно перебинтовал ноги Николаю. После этого оба с аппетитом принялись за хлеб, галеты, консервы и вареную картошку. После перевязки к Николаю снова вернулось бодрое настроение.

— Чем хороша наша профессия, — посмеиваясь, говорил он, старательно работая челюстями, — природа близко. Спрыгнул — и готово. А главное — каждый раз на новом месте.

— Ты бы еще в новые места хотя бы старые запасные портянки не забывал брать. С мозолями и новые места не в радость.

Николай поморщился:

— Нет в тебе, Иван, никакой романтики. Не можешь ты о нашем деле красиво говорить.

— По мне так, — задумчиво сказал Иван, — если ты пользу от своей работы наощупь потрогать можешь — это и есть романтика. Посмотреть на нашу работу — ничего приятного. И опасно, и трудно. Прыгаем неизвестно куда. Поклажу таскаем. В ожогах постоянно. Мозоли. А ведь никого из нас с этой работы палкой не выгонишь. Потому что сами видим пользу от нее. Ну да хватит об этом... Готов? Пошли.

И снова карабкались, прыгали, сползали, перелезали, подлезали...

Часа через два Иван неожиданно остановился.

— Чуешь? — спросил он, раздувая ноздри большого с горбинкой носа.

Николай приняхался. Пахло смолой, свежестью, хвоей. Лишь с трудом улавливался слабый запах гари. Если бы не предупреждение Ивана, никогда не обратил бы на него внимания.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА

Вышли они в тыл пожара. Ветер гнал огонь в противоположную сторону, но пламя, тесно прижавшись к земле, ползло и навстречу ветру.

Парашютисты торопливо зашагали вдоль фланга пожара к его фронту, где и предстояло

сражение с огнем. Чем дальше они шли, тем мрачнее становился Иван. Ниже опускались лохматые брови, а большие глаза с надвинутыми, чуть вспухшими верхними веками все больше темнели.

Оправдались его худшие опасения: пожар захватил большую площадь. Пламя, подталкиваемое ветром, двигалось вперед быстро. Оно то прижималось к земле, то взлетало вверх, стараясь зацепиться за ветки, то растекалось узенькими ручейками, то вдруг сливалось в один широкий, буйный поток. Серый дым стлался по земле, потом, поднимаясь вверх, плотно окутывал стволы деревьев. Продравшись сквозь густые ветки, дым торжествующе плыл в небо.

— Да, такой ветками не захлещешь, — вздохнул Николай, когда они вышли на фронт огня.

— И думать нечего.

Николай скинул ношу, взял в руки лопату, поплевал на ладони и сказал с готовностью:

— Не думать так не думать. Будем рыть заградительную полосу. Начнем?

Он вопросительно посмотрел на Ивана. Тот усмехнулся.

— Хочешь еще и на руках мозоли поскорее натереть?

— На то я и пожарный.

— Уж если натирать, так с пользой. Считать-то ты умеешь?

— На бухгалтера не учился.

— А надо бы. Из тыла мы голову пожара не видели. Значит, он уже захватил не меньше четырех гектаров. Четыре гектара это двести на двести. Значит, нам нужно вырыть двести метров по фронту да еще по сто метров на флангах. Это четыреста мет-

ров заградительной полосы. Сколько же один боец может за день вырыть?

Николай огорченно вздохнул:

— Сто.

— Так сколько же нам нужно времени, чтобы вырыть такую полосу? Считай, пожарный, не учившийся бухгалтерии.

Николай промолчал. Вот ведь в теории все изучал, а на практике применить не можешь. Словно ученик, который выучил все правила грамматики, а пишет с ошибками.

— Будем искать готовый барьер? — спросил он наконец.

— Да.

Оставив пожар, оба углубились в лес.

Тропа, которую они нашли, была узкой, превратить такую в заградительную полосу нелегко. Но другой не было.

— Будем рыть, — сказал Иван.

Они аккуратно сложили снаряжение и, поплевав на ладони, вонзили лопаты в мягкую лесную подстилку. В сторону полетели перепревшая хвоя, шуршащие шишки, ломкие ветки. Из-под лесной подстилки показалась сероватая почва, тот самый подзол, в котором огонь не может найти себе пищи, подзол, наткнувшись на который должен был остановиться пожар. Это был союзник парашютистов. Но как трудно было вскрыть его на широкой полосе.

Николаю казалось, что в жизни не было ничего другого, кроме этого: нагнуться, вонзить лопату в лесную подстилку, отбросить ее в сторону, снова нагнуться и снова вонзить лопату... Нагнуться... Вонзить... Отбросить... Нагнуться... И так до бесконечности.

В голове гудело, смозоленные пятки горели, густые черные волосы лезли в глаза, и Николай со злостью откидывал их назад.

Иногда молодой боец разгибался, чтобы дать хоть секундную передышку спине, и с завистью думал о том, что где-нибудь летит над пожаром самолет, выпуская на него длинный шлейф специальной жидкости, в которой задыхается пламя, где-нибудь тракторы опахивают огонь плугом. А им с Иваном достался старый способ борьбы — рукопашная. Но другого в таких условиях не придумаешь. И оба рыли, рыли, рыли...

А пожар уже подходил. Он давал о себе знать яркими вспышками пламени в зарослях вереска и кучах сухого валежника, стремительными рывками огня. Попадая в густые ковры мхов, пламя бежало вперед, огненными блюдцами растекалось возле оснований стволов.

Закончив полосу, Николай и Иван вышли навстречу пожару, чтобы ослабить его перед решительным сражением.

Со стороны это походило на забавную игру. Стоило показаться хоть маленькому огоньку, как оба парашютиста бросались к нему и начинали захлестывать длинными ветками. Язычки пламени прятались, чтобы тут же показаться в другом месте.

Николай горячился, несколько раз попадал в окружение и с трудом прорывался сквозь сплошной фронт огня. На лице у молодого бойца было написано ожесточение.

Иван работал спокойно, осмотрительно, успевая при случае помогать товарищу.

Когда они расходились далеко друг от друга, то по временам перекликались. «Держись, Николай!» —

«Держись, Иван!» — «Держусь!» Голоса, охрипшие от дыма, вплетались в треск и шум пожара.

Пожар скоро оттеснил бойцов к заградительной полосе. Языки пламени озверело насккивали на серую полосу подзола и замирали перед ней, лишенные пищи. Но огонь и не думал сдаваться. Через заградительную полосу летели угольки, горящие ветки; в тех местах, где они падали, поднимались струйки дыма. Чем ближе подходили главные силы пожара, тем труднее было держаться. Наткнувшись на сопротивление в центре, огонь начал обходить заградительную линию с флангов. Теперь все чаще несло:

— Держись!

— Держу-у-усь!

С начала этого неравного боя прошло несколько часов. Но оба парашютиста уже потеряли счет времени. И только по тому, что стих ветер и огонь с меньшей яростью стал набрасываться на полосу, они поняли — наступает вечер. Это прибавило сил — значит, скоро подойдет подкрепление, ночью пожар ослабнет, справиться с ним будет легче.

Парашютисты решили сделать небольшую передышку. Осунувшиеся, усталые, они впервые за несколько часов спокойно посмотрели друг на друга. Николай с удивлением обнаружил, что Иван по-прежнему подтянут, даже сапоги у него не очень грязные.

У самого Николая вид был растерзанный. Рубашка вылезла. Черные волосы свалились на лбу и закрывали глаза. Ворот комбинезона нараспашку.

— Заправься, — сказал Яровой, придиричиво оглядев его.

— Сойдет! — отмахнулся Николай. — Кто меня здесь видит?

— Огонь видит. Я вижу. Пожар любит, чтобы к нему с уважением относились. Он разболтанных не уважает. Покажи ноги.

— Ничего, разбежался.

— Давай, давай. Если есть возможность, нужно перебинтовать.

Николай стянул сапоги. Иван присел перед ним на корточки. Николай знал, какие сильные и тяжелые пальцы у Ярового, но сейчас, когда Иван перебинтовывал ему ноги, они были легкими и нежными. Боли почти не чувствовалось.

Закончив, Иван поднялся:

— Ты посиди немного. Передохни. А я пока посмотрю, что там делается.

— Ладно, — благодарно сказал Николай, и не успел Яровой отойти несколько шагов, как молодой боец прилег и сразу же задремал.

...Как ни старались позднее товарищи доказать Николаю, что не может человек столько увидеть за какие-нибудь десять минут, он клялся, что ничего не прибавил к своему странному сну.

Вот как рассказывал его сам Николай.

«И кажется мне, братцы, будто на дереве я сижу. А дерево... Вершина в небеса уходит. Глянул вниз — земля еле-еле виднеется. И сам я малюсенький-малюсенький, меньше даже Алеши. Удивился я, но, как и положено нашему брату, воздушному пожарному, присутствия духа не теряю.

Осмотрелся. Батюшки мои!.. Живности вокруг меня видимо-невидимо. Побольше, чем в зоопарке.

И звери какие-то чудные, чуднее и не придумаешь. Ног у каждого по три пары. Усы огромные, шевелятся. И челюсти... ох, я вам скажу, это челюсти! Даже не по себе стало.

Выстроились эти твари вокруг меня и прислушиваются к чему-то. И я прислушался. Доходит до меня, будто на собрание какое-то попал. Вон и сцена, на ней трибуна — сучок обрезанный. А на трибуне оратор, речь говорит. Усами размахивает, ножками подрыгивает.

Прислушался я, ну все-то до последнего слова понимаю, будто кто-то мне эту речь переводит.

— Братья, жуки-типографы, короеды-стенографы, короеды-граверы! Дровосеки сосновые, дровосеки еловые! Навострите уши свои...

Тут я понял, на какое собрание попал. Это же короеды и дровосеки. Жуки!.. Самые что ни есть зловредные твари для леса. Не столько пожары лес губят, сколько они.

— Ужж-жже, ужж-жже, навосс-сстрили, — отвечают оратору.

— Слыш-ш-шите, как деревья падают?

— Слыш-ш-шим, слыш-ш-шим, — жужжат.

— И дым чувствуете?

— Уж-ж-же, уж-ж-же.

— Так неуж-ж-жели мы будем ж-ж-жить по-преж-ж-жнему на этих старых деревьях? У них не только кора, но и стволы сж-жеваны. Так я говорю, дровосеки?

А сам в другую сторону кланяется. Там еще одна группа жуков стоит. Челюсти у них не меньше, чем ковши у подъемных кранов. Усы длинные, как антенны, на спины положили и шевелят ими, шевелят...

— Так, так, так, — затактакали.

А этот самый, что на сучке, продолжает:

— Мы здесь бедствуем, а за холмом пож-ж-жар начинается, нам добычу готовит. Кора на деревьях подгорит, смолы, что нам мешает, не будет. Раздолье. Сил на гари поднакопим и на соседние, здоровые леса перебросимся.

Все жужжат, радуются.

Рядом со мной жук сидел. Старенький, видно, потому что про прежнее житье-бытье все вспоминал. Раньше, нашептывает мне на ухо, было куда лучше... Пожаров больше, а тушить их совсем не тушили. Лесов гибло — и не сосчитать.

Пожар, говорит, это только начало. После него почва под деревьями спечется, твердая становится, влагу не пропускает. Смотришь, через несколько лет и болото на гари образуется. Деревья на нем чахнут, грибки на них разные селятся, точат ели и сосны. Они слабеют — а тут уж и мы, жуки. Со слабыми-то и больными деревьями легче справляться.

Еле я отделался от этого надоедливового старичка. Стал оратора слушать. А он докладывает, что слетал к месту пожара. Да не один, а с целой комиссией.

— Никто там уж-ж-же не ж-ж-живет, — докладывает, — белки упрыгали. Птицы улетели, ни одного дятла не видно. Наш-ш-ш-ш будет лес! Наш-ш-ш!

Гордо так зашумел. А остальные его поддерживают:

— Наш-ш-ш! Наш-ш-ш!

Тут я не выдержал. Ах вы, думаю, такие-растакие! Наш народный лес портить!.. Не бывать этому. Не допустят этого воздушные пожарные. Не дадим сгореть лесу.

Бросаюсь к пожару. А они, эти твари, не пускают.

Я их на землю сбрасываю, ногами давлю, не могу вырваться. Вцепились они в пятки и держатся. Боль страшная. Начал я ребят на помощь звать. А что дальше было, не знаю — Иван меня растолкал»...

Товарищи верили и не верили этому рассказу — уж больно приврать любит парень. Но Иван подтверждал, что когда минут через десять он вернулся к Николаю, тот громко кричал во сне.

Коротка оказалась передышка. Ветер вдруг снова заговорил в вершинах елей, едкий дым пополз между стволов. Снова началась неравная борьба с огнем. Снова метались вдоль заградительной полосы два парашютиста, наотмашь хлестали ветками языки пламени, которые упорно ползли через полосу; затапывали горящие ветки и угли, что перебрасывал пожар в тыл бойцам.

Сил почти не осталось. Руки, казалось, были налиты свинцом, ветка превратилась в многопудовый груз, глаза слезились, а в висках стучало и от усталости и оттого, что уже несколько часов пришлось дышать дымным воздухом.

— Держи-ись, Коля!

Николай разогнулся, чтобы ответить на призыв товарища. Иван работал неподалеку.

— Держусь, Ва... — и у Николая перехватило горло: высокая полуповаленная ель стремительно пошла вниз, ломая ветки соседних деревьев, подминая мелколесье. Пошла прямо на Ивана.

— Ваня! — только и успел крикнуть Николай.

Яровой выпрямился, но дерево тут же накрыло его...

Это было просто удивительно, что Николай ни разу не упал, что ни один сучок не угодил ему в глаз, даже не поцарапал лицо — сквозь частокол веток боец мчался, не разбирая дороги. В груди что-то покалывало, ноги ломило, дыхание с шумом вырывалось изо рта. «Скорее... Скорее», — подгонял он себя.

Замшелая, развесистая ель лежала поперек заградительной полосы. На ветках, которые росли возле комля, уже прыгали огоньки.

— Ваня! — позвал Сидоров.

Молчание.

Николай побежал вокруг ели. Ярового он заметил через несколько шагов — из-под веток виднелась голова. Николай торопливо опустился перед ней на колени.

— Вань, а Вань!

Яровой молчал. Николай растерянно оглянулся по сторонам. Что делать? Что ему теперь делать? Как вытащить Ивана?

Горящая ветка упала на ель. Сразу потянул сильный дымок, показалось пламя. Николай почувствовал — медлить больше нельзя. Он пролез под ветками и, подхватив товарища за плечи, попробовал вытащить его. Тяжелое тело даже не пошевелилось.

Огонь потрескивал где-то по соседству, но теперь Николай не обращал на него внимания. Дым ел глаза. Взглянув на заградительную полосу, Сидоров заметил, что огонь перешел ее уже в нескольких местах. А Иван лежит. И даже неизвестно, жив ли он.

Вдруг позади громко хрустнула ветка. Николаю показалось даже, что он услышал чей-то голос.

— Сюда-а-а! Ребята, сюда-а-а! — закричал он обрадованно. — Скорей!

Лес ответил гулким насмешливым эхом

— Алеша-а-а! — теряя последнюю надежду, позвал Николай.

Не было слышно ни треска веток, ломающихся под торопливыми ногами, ни возбужденных голосов. Товарищи, где же вы? Почему вас нет? Вы же так нужны... Один, совсем один ты, Николай! С товарищем, которого ты не можешь спасти...

А пожар, не встречая больше сопротивления, перепрыгнул через заградительную полосу и пошел вперед.

ГРОЗИТ ВЕРХОВОЙ

Самолет вернулся на аэродром к вечеру. Быстров спрыгнул на землю последним. Посмотрев на указатель ветра, подвешенный на высоком столбе, он почувствовал тревогу и впервые пожалел, что отказался выполнить просьбу Ярового, не сбросил на помощь леснику Алешу Ромина. Ветер до отказа надул остроконечный мешок, и он висел параллельно земле. И жара не спадала.

«Но ведь кто же знал, — попытался Быстров оправдать самого себя, — что придется выбросить

еще двух парашютистов на третий за день пожар. А что завтра делать? Помощи просить?.. Конечно, людей дадут, но небось лишний раз напомним, что он молодой летнаб, что не может справиться своими силами... Ничего — Яровой справится, и не в таких переделках бывал. И лесник скоро должен прийти к нему на помощь. А завтра с утра к Яровому в первую очередь...»

Следующее утро началось с неприятностей. Первое, что бросилось Быстрову в глаза, когда он пришел на аэродром, были расстроенные лица парашютистов, которые собрались возле самолета. Пилот и техник копались в моторе.

— Что там у вас? — почувствовав неладное, подскочил к ним Быстров.

— Мотор барахлит, — не поворачивая головы, ответил пилот, лицо у которого потеряло свое обычное невозмутимо-равнодушное выражение.

— И других нет?

— Ваша авиабаза арендует этот.

— Но нужно вылетать.

— Другие в ходу.

Владимир отошел в полной растерянности. Знать, что где-то, может быть, позарез нуждаются в твоей помощи, и не быть в состоянии что-нибудь сделать — бывает ли хуже положение?

Бесцельно побродив по аэродрому, он зашел в комнату, где парашютисты в свободное от полетов время занимались теорией. Сел на стул и бессмысленно уставился на черную ученическую доску, прислоненную к стене. Ему вдруг захотелось снова превратиться в школьника, беззаботного, ни за что не отвечающего.

Здесь-то его и разыскал Алеша Ромин, расстроен-

ный еще больше, чем летнаб, и не скрывающий своих чувств.

— Тебя начальник авиабазы вызывает, — мрачно посмотрев на летнаба, сказал Алеша.

— К телефону?

— В штаб.

Владимир вздохнул, одернул китель, пригладил волосы. Начальник авиабазы Федор Петрович Политов не любил, когда подчиненные были неряшливы и медленно выполняли приказы. Вскочив в машину, Владимир отправился в штаб.

Политов он нашел в комнате, где размещалась радиостанция. Отсюда осуществлялась связь со всеми оперативными отделениями авиабазы, с самолетами, находившимися в воздухе, с леспромхозами и даже с некоторыми лесниками.

Политов, чуть ссутулясь, стоял возле большой, во всю стену карты. Красным карандашом на ней были указаны границы «владений» авиабазы, синим карандашом обозначены границы и базовые аэродромы оперативных отделений. Отсюда поднимались в небо самолеты, неся воздушных пожарных. Четкие линии просек разбивали лес на правильные квадраты. Каждая такая просека — опорный пункт для борьбы с возможным пожаром. Она очищена от лесной подстилки, от валежника, на ней сделана минерализованная полоса, задерживающая огонь. По карте были разбросаны маленькие треугольники — лесо-химические станции, где всегда наготове опытные люди, химические средства и снаряжение для сражения с огнем: машины, плуги, тракторы. Черными кружочками отмечались потушенные пожары, а красными — те, с которыми боролись воздушные пожарные или население и лесоохрана.

Услыхав, как скрипнула дверь, начальник авиабазы охраны лесов повернулся. Владимир с тревогой заметил, что левый глаз у Федора Петровича прищурен.

За год работы летнаб уже научился определять, в каком настроении начальник. Если смотрит прищурив левый глаз, словно прицеливается, — жди разноса. Если тяжелые, торчащие, словно пики, брови сошлись на переносице — положение серьезное. А если начальник откашливается — бояться нечего, наверняка вслед за покашливанием начнется интересный рассказ, благо Федору Петровичу было о чем рассказывать.

Сердце у Владимира екнуло, но он четко щелкнул каблуками и отпраповтовал:

— Летнаб второго отделения Быстров по вашему вызову явился.

Брови у Политова чуточку разжались, но вопрос, который он тут же задал, прозвучал резко, словно выстрел:

— Почему самолет не вылетел?

— Мотор того... — замялся Быстров. — Барахлит.

— Почему не сообщили сразу? Почему я должен узнавать об этом от ваших подчиненных?

Владимир вопросительно посмотрел на Федора Петровича.

— Да, — кивнул он, — от подчиненных. Кстати, почему вы вчера не сбросили Ромина на помощь Яровому?

«Вот кто наябедничал», — с неприязнью подумал Быстров. Вслух он четко произнес:

— Надеюсь, что Яровой справится. И лесник там опытный.

— А о том, что молодого парашютиста тяготит недоверие, об этом вы не подумали? Он просил у меня, чтобы его перевели в другое отделение.

Владимир опустил голову.

— Вы поставлены летнабом не только для того, чтобы тушить пожары. Вы — старший, значит, вы и воспитатель. В душу каждому бойцу заглянуть обязаны... — Политов помолчал. — А насчет лесника...

Начальник залез во внутренний карман, достал аккуратно сложенную телеграмму и протянул ее Владимиру, который настороженно вытянулся.

«Вымпел не нашли, — прочитал Быстров и, уже не обращая внимания на выправку, захватил подбородок в кулак. — Просим уточнить место пожара. Организуем наблюдение. Люди готовы».

Представительная фигура Быстрова сникла.

— Не дождался я, — с искренним огорчением и раскаянием сказал он, — не дождался ответного сигнала лесника. Понадеялся на него. Заспешил. Не дождался...

Политов вздохнул:

— Ну ладно, был бы ты поопытнее, по-другому бы с тобой разговаривал. Но приказ жди. Нужно и другим летнабам напомнить кой-какие правила. — Он ссутулился и как-то сразу постарел. — Давай будем думать, что делать дальше. Где твоя патрульная карта?

У Владимира отлегло от сердца. Дело не в том, что «разнос» оказался не страшным. Главное — Федор Петрович что-нибудь придумает. Быстров торопливо достал из планшетки карту, аккуратно расстелил ее на столе. Но не успели они с Политовым склониться над ней, как раздался голос радиста:

— Товарищ начальник! Некрасов!

Политов шагнул к аппарату. Быстров весь обратился в слух. Некрасова он знал хорошо. Владения Некрасова и Быстрова граничили, и им нередко приходилось встречаться в воздухе, патрулируя над лесами. Некрасов, старый, опытный командир, раза два по-соседски выручал Владимира.

— Большой?.. А не верховой? — кричал Политов в трубку густым, чуть хриплым басом. — Там Яровой с Сидоровым. Ты сбрось-ка им на помощь своих. Уже?.. Троек?.. И с рацией?.. Вот за это хвалю!.. Быстров здесь, у меня, загорает... Мотор... А лесник не нашел вымпела... Конечно, слетай. А мы еще телеграфом укажем квадрат. Действуй!

Политов положил трубку.

Лицо у него было довольным, морщинки расправились. Быстров знал: начальник авиабазы всегда искренне рад инициативным и решительным действиям своих подчиненных, всегда поддерживает их. Было немножко грустно и обидно, что эта радость относится к Некрасову, а не к нему, Быстрову.

Политов вернулся к столу, склонился над картой.

— Показывай, где твой пожар.

Владимир указал. Лицо у Политова помрачнело.

— Смотри, — ответил он на молчаливый вопрос Владимира и твердым, пожелтевшим от табачного дыма ногтем провел по карте, — пока пожар спускается по склону, ветер не очень влияет на него. Но если огонь перескочит через эту ложбину, тогда я нашим парашютистам позавидовать не могу.

— Верховой?

— Может случиться...

Политов задумался. Перед его глазами невольно

встали картины того страшного «верховика», свидетелем которого он был в детстве и который определил его судьбу...

Тревожным летом военного 1915 года Федя Политов жил в маленьком сибирском городке на берегу широкой полноводной реки. Май и весь июнь стояли жаркие, без дождей. Казалось, небо полиняло от жары. Пыльные смерчи носились по улицам. Даже в лесу, который начинался за последними домами города, почва потрескалась.

— Быть беде, — качали головами старики. — Видно, мало нам войны...

И она пришла, эта беда, в середине июля. С востока на город надвинулась черная туча, похожая на грозовую. Но она принесла с собой не дождь, а клубы дыма. Это туча образовалась над пожаром, который захватил огромную площадь в сибирских лесах.

Скоро дым окутал город. Солнце покраснело, а потом скрылось. На улицах стало темно, как в сумерки. По реке перестали ходить пароходы.

Федя Политов с товарищами несколько раз бежал на соседнюю железнодорожную станцию, встречал поезда, которые шли с востока. Было страшно смотреть на вагоны, краска которых лупилась и отпадала. Было жутко слушать рассказы пассажиров о том, как поезд мчался сквозь огненное море, не останавливаясь на промежуточных станциях, плотно закутанных дымом.

По Сибири шагал невероятной силы верховой пожар.

Вслед за тучей к городу подошел и огонь, вспыхнул лес на противоположной стороне реки. Неугомонные, не знающие страха ребяташки, выбежавшие на берег, тут же вернулись в испуге обратно: через реку, не обращая внимания на людей, плыли волки и зайцы, лисицы и медведи, лоси и рыси. Все прежние распри отступили перед грозой, одинаково опасной для всех.

Полмесяца гулял пожар по Сибири, немало сел и деревень уничтожило пламя. От пожара пострадали и знаменитые сибирские хлеба: туча, долго стоявшая в небе, закрыла солнце, и они за полмесяца не подались в росте ни на вершок. Крестьяне тревожно перебирали стебли с жидкими, худосочными зернами и с болью говорили о предстоящем голоде.

Надолго запомнила Сибирь тот страшный пятнадцатый год.

Тогда-то и возненавидел Федя Политов лесные пожары. Чуть подрос — устроился в лесоохрану. Потом летная школа... Служил бойцом в первом авиационном отряде, организованном для охраны лесов. Поработал и парашютистом-пожарным и летнабом.

И вот теперь он — начальник авиационной базы охраны лесов, отвечает за огромную территорию, включающую в себя несколько областей и автономных республик. Редко случаются у него летом спокойные дни. Но в этой постоянной тревоге, в этой постоянной борьбе и чувствует он себя на месте.

Политов задумался, склонившись над картой. В комнате стояла такая тишина, что Быстров сдерживал дыхание. Он чувствовал себя виноватым, ему даже казалось, что начальник может сейчас

поднять голову и сказать: «По вашей вине все это происходит. Летнаба из вас не получится». Страшнее наказания для Владимира быть не могло: ведь он искренне любил свою профессию.

Томительную тишину разорвал телефонный звонок. С аэродрома сообщали, что самолет готов к вылету.

— Выбросишь парашютистов как можно ближе к пожару. Если потребуется — даже на лес. Но только в крайнем случае. Пусть держатся, сколько есть сил, а мы здесь что-нибудь еще придумаем.

Владимир четко развернулся и стремглав вылетел из комнаты.

Через полчаса Политову доложили, что самолет поднялся с аэродрома. И чуть погодя радист сообщил:

— Рация Некрасова!..

— От Ярового? — обрадованно спросил Политов.

— Да, с того пожара.

Политов заторопился к рации.

ТОЛЬКО БЫ ВЫСТОЯТЬ..

Связь установили совсем ненадолго. Яровой успел сообщить, что пожар теснит их, что сил не хватает, а помощь от лесника еще не пришла.

— Держитесь, — сказал Политов. — Быстров уже вылетел к вам. А мы скоро...

Но дальше говорить не пришлось. В трубке раздался треск и пронзительный свист.

— Связь прервана, — виновато сообщил радист. — Это у них.

— Вызывать постоянно! — приказал Политов. — Как только наладите связь — сообщите мне.

— Есть.

Политов несколько раз прошелся по комнате, перебирая в памяти все, что сказал ему Яровой. По взволнованному голосу своего подчиненного он чувствовал, что положение очень тревожное. Нужно было срочно принимать меры. Соединившись с аэродромом, он искренне обрадовался, узнав, что освобожден вертолет, который с утра летал за больным ребенком. Попросил, чтобы вертолет пока никуда не направляли, и сказал, что он сам будет на аэродроме через десять минут.

Яровой долго дул в трубку, зло тряс ее. Радист дрожащими от нетерпения руками копался в рации, но она бездействовала. Много бы дал сейчас Яровой, чтобы услышать продолжение фразы Политова. Ведь даже с помощью парашютистов Некрасова и Быстрова им вряд ли удастся продержаться в этой неравной борьбе.

Но рация бездействовала, а другого способа узнавать мысли на расстоянии у Ярового не было. Приходилось принимать решение на свой страх и риск. А у него, как назло, до сих пор гудит голова. Хорошо хоть, что жив остался...

Огонь был уже совсем рядом, когда Сидоров, навалившись всем телом, сломал сначала одну ветку, потом другую, подхватил обмякшее, тяже-

лое тело инструктора под мышки и, задыхаясь от напряжения, с трудом выволок его из-под ели. Николай тормозил товарища, делал искусственное дыхание, но Иван не открывал глаз.

Тогда Николай вспомнил, что во фляжке у него остался чай. Торопливо отвинтив крышку, он выплеснул чай в лицо Яровому. Тот вздрогнул, открыл глаза. Потом потряс головой, словно стараясь избавиться от дурного сна, и ладонью начал стирать с лица приставшие чайники. Николай влюбленно смотрел на него. Наконец Яровой, совсем придя в себя, оперся рукой о землю и сел.

— Как пожар? — спросил он, морщась от боли.

— Горит, горит, — радостно ответил Николай.

— Чего ж ты радуешься?

— Так ведь жив...

— Ну и хорошо, — отмахнулся Иван. — Ты лучше скажи, что с полосой?

— Была, да вся вышла...

Иван помрачнел, задумался, затем тепло взглянул на Николая, тихонько встряхнул его за плечо.

— И никого?

— Никого.

— Ну, что ж. Попробуем сдержать огонь, пока он еще не совсем прорвался через заградительную.

Оба не сомневались, что помощь должна скоро появиться. Они же не знали о том, что Алеша Ромин не был выброшен на помощь леснику, что лесник не нашел выпела.

Только к середине ночи, так и не сумев вытеснить пожар с захваченных им плацдармов, бойцы поняли, что случилось что-то непредвиденное...

Кончилась короткая летняя ночь. Солнце позолотило вершины елей, зашумел в кронах деревьев

ветер. И вновь ожило пламя, зашевелилось, сдвинулось с места. Сначала медленно, словно не оправившись от ночного сна, потом все резвее и резвее. Играючи, оно ломало сопротивление двух парашютистов, один из которых прихрамывал, а другой то и дело хватался за голову.

Редко-редко слышались в лесу голоса:

— Держись!

— Держу-усь!

Пожар спускался в ложбину. Иван чувствовал, что скоро огонь преодолееет ее и пойдет в гору. Он представлял, как ветер подхватит пламя, оно разойдется, ухватится за нижние ветки деревьев, перебросится на верхние, доберется до ветра, гудящего в вершинах деревьев, — и пойдет повальнй пожар!.. Ему уже доводилось несколько раз встречаться с этим опасным противником. Вылетал с товарищами на борьбу с верховыми пожарами в Сибирь и на Дальний Восток, тушил пожар, что разыгрался однажды в районе Адова озера.

Озеро Адово находится на северо-западе Пермской области. Окруженное со всех сторон нетронутыми лесами и топкими болотами, оно издавна манило рыболовов и охотников. Рыбаки тосковали по пудовым щукам, ходившим в черных водах и якобы прыгавшим прямо в лодку. Охотники — по уткам, которые во время перелетов останавливались здесь на отдых и которых можно было «брать голыми руками». Но немногие бывали в этих местах: об озере ходила дурная слава. Поговаривали, что черная вода его вредна и вызывает странные болезни.

Так бы и оставалось Адово озеро таинственным, если бы не верховой пожар, что захватил в этих местах тысячи гектаров. Потребовались совместные

усилия всех отделений авиабазы охраны лесов, чтобы одолеть его. Сотни людей пришли к Адову озеру. И оказалось, что болота вокруг него не такие уж топкие, черная вода не опасна, а что касается шук, то в те тревожные дни никому не было до них дела.

Сколько тогда погибло леса!.. На одной стороне озера его фактически не осталось — жалкие обгоревшие стволы тоскливо раскинули в стороны заостренные, почерневшие пики голых веток.

При мысли, что такая история может повториться и здесь, все внутри Ивана наполнялось протестом, и он упорно гонялся за каждым язычком пламени.

Сопротивляться пожару становилось с каждой минутой труднее. И Яровой здорово обрадовался, когда увидел спешащих к нему трех незнакомых парашютистов. Оказалось, что это подкрепление из отделения Некрасова, и даже с рацией. Правда, это подкрепление не могло изменить соотношения сил, но все-таки стало веселее. Вот только связь с авиабазой быстро прервалась...

Ивану не пришлось объяснять вновь прибывшим, что нужно делать. Они сразу включились в борьбу с огнем.

Как-то незаметно вдруг появилось подкрепление и из родного отделения — Алеша Ромин, Петя Шелест, Вася Копин и Федя Ванчугов, только вчера вернувшийся с очередного пожара. Встреча была короткой, хотя и радостной. Алеша Ромин, в натянутом по самые глаза шлеме, довольный, возбужденный, бросился к Николаю.

— Смозолил? — забеспокоился он, заметив, что Николай хромает.

— Нет, роль репетирую, — огрызнулся тот.

— Я ж тебе говорил насчет портянок.

— Уже от Ярового свое получил.

— А ты упрямый, — Алеша залез в рюкзак, достал чистые портянки и заставил Николая переобуться. Николай ворчал, отбрыкивался, но, поднявшись и осторожно притопнув, сказал с благодарностью:

— Спасибо, друг.

Яровой воспрянул духом. Правда, пожар по фронту уже захватил не меньше пятисот метров. Сделать настоящую заградительную линию будет трудно, если они даже найдут какой-нибудь естественный рубеж. Но его нет. Остается одно — расставить людей вдоль фронта пожара и сдерживать его, сколько будет возможным. Ждать, пока придет помощь. Надеяться, что Политов придумает, как подержать их.

Рукопашная началась.

Пожар легко прорывал сопротивление редкого заслона бойцов. Он вклинивался между ними, старался взять в окружение. Иногда останавливался, словно набираясь сил. Но продвижение его замедлилось. Выигрывались драгоценные минуты и часы.

Еще одно подкрепление пришло совершенно неожиданно. Ивана окликнул высокий, заросший бородой мужчина в клетчатой ковбойке.

— Старший? — спросил он коротко.

— Да.

— Принимайте геологов, — бородач широко улыбнулся. — Мы уж думали, что придется в одиночестве здесь поработать. Не очень, конечно, приятное обстоятельство для встречи, но, знаете, иной раз тоскливо без новых лиц.

Иван выдавил из себя улыбку и торопливо объяснил геологам, как правильно работать ветками:

— Бейте не просто сверху вниз — так искры разлетаются в стороны, только себе хуже сделаешь. Нужно бить чуть в сторону, под углом, прижимать огонь. Вот так, вот так...

А еще через час пришло подкрепление во главе с лесником. Стало легче, хотя угроза верхового пожара оставалась вполне реальной. Лес был старый, всюду лежали кучи крупного сухого, еще не сгнившего валежника. Пучки лишайников, словно бороды, свешивались с ветвей. Краснели сухостойные деревья, по которым огонь легко поднимался к вершинам.

Все чаще у Ивана мелькала мысль — разделиться на две партии, одной начать готовить заградительную полосу, а второй — сдерживать пламя. Но он боялся, что это только распылит силы.

Приходилось ждать.

Отступали.

Степан Романов, пилот вертолета, стоял перед начальником авиабазы, спокойно ожидая, что ему скажут. Но Политов не спешил. Пристально всматривался он в зеленоватые, твердые глаза летчика, в его жесткие складки на щеках, прикидывая, под силу ли этому парню задание, которое нужно выполнить.

Наконец Политов пригласил пилота к карте.

— Вот смотри, — начал Федор Петрович, — пожар сейчас здесь, — красный карандаш очертил на карте солидный овал. — Место такое, что он может в любой момент превратиться в верховой.

Потребуется мобилизовать сотни людей, стягивать все силы. А у каждого и своих дел много.

Политов замолчал, его одутловатое лицо, изрезанное морщинами, с большими мешками под глазами, было усталым. Пилот выжидающе теребил перчатки.

— Самолет с парашютистами уже вылетел. Лесник вот-вот должен привести туда подкрепление. Но всего этого мало. Чует мое сердце — очень у них там трудно.

Глаза командира почти скрылись под веками — две тоненькие линии.

— И связь с ними как назло прервалась, — Политов помолчал. — Там нужен сейчас тол. В нашем деле иной раз все решают метры и минуты. Понимаешь?

— Понимаю, — спокойно кивнул пилот.

— Вот я и прошу тебя — нужно доставить взрывчатку хотя бы вот сюда, — карандаш поставил точку сбоку от красного овала. — Одним словом поближе. Это рискованно...

— Там люди тоже рискуют.

Степан энергично потрянул головой, чтобы сбросить с лица непокорную прядь русских волос. Движение было такое мальчишеское, что сердце у начальника авиабазы сжалось. Какой же ты еще молодой, Степан Романов!.. Мальчишка, хоть и стараешься держаться, как взрослый, выдавший виды человек. Но разве твои старания обманут меня, старого пожарного? Жаль мне бросать тебя в такую заваруху, но это нужно.

— Груз у тебя будет неприятный. А там дым, видимость плохая.

— Пока на глаза не жалуюсь.

— Сгружай осторожно, не бросай, лучше пользоваться лебедкой.

— Знаю.

— Запалы погрузят отдельно, с ними осторожней.

— Конечно.

Политов тепло, по-отцовски посмотрел на этого немногословного парня. Захотелось подойти и обнять его. Ему бы такого сына. Так и не сумел завести семью...

— Ни пуха тебе, ни пера.

Начальник авиабазы долго следил, как Романов чуть вперевалку вышагивал по полю, по временам отбрасывая со лба упрямые, непокорные волосы. В душе у Политова поднималась гордость за людей, с которыми ему приходится работать. У него вдруг защищало глаза.

«Старею, — подумал с горечью Федор Петрович, — становлюсь сентиментальным».

Сутулясь, он пошел к автомашине, чтобы выехать в штаб.

Связи с Яровым по-прежнему не было. Федор Петрович нервно вышагивал по комнате. Уж лучше самому участвовать в борьбе с пожаром, чем испытывать чувство мучительного беспокойства за своих товарищей.

Только через два часа обрадованный радист сообщил, что связь налажена.

Яровой докладывал торопливо: огонь идет быстро, ветер сильный. Люди работают изо всех сил, но даже помощь геологов и местных жителей недостаточна. Пожар теснит, а на протяжении двух километров нет даже мало-мальски удобного рубежа, за который можно было бы уцепиться.

— Держитесь, — сказал Политов как можно бо-

лее уверенно. — К вам вылетел вертолет с толком. Если потребуется дополнительная помощь — найдем.

— Справлюсь, — слышался в трубке хриплый, усталый голос.

— Смотри не рискуй, опорную полосу делай подальше от огня.

— Не беспокойтесь. Пусть только вертолет побыстрее...

И по тому, с каким выражением была сказана эта фраза, понял Политов, как тяжело сейчас Яровому.

Положив трубку, Иван облегченно вздохнул. Тол — надежный союзник. Невольно вспомнилось, как тушили сильный пожар в Гайнском лесхозе. Там было пострашнее...

Начался пожар в отдаленных лесах Верхне-Камского лесничества. Триста пятьдесят рабочих, не зная отдыха, окапывали его, захлестывали, заливали пламя. Но разбушевавшийся огонь не знал удержу. Скоро он захватил уже девятьсот гектаров.

Только тогда директор лесхоза, думавший справиться с пожаром своими силами, обратился за помощью в авиационную базу по охране лесов. Шестнадцать парашютистов Соликамского и Кудымкарского отделений приземлились неподалеку от фронта пожара.

Не очень-то верили рабочие, что бойцы авиационной охраны сумеют справиться с огнем. Ведь их всего-навсего шестнадцать. Но парашютисты не теряли времени — взрывчатку нужно было заложить на фронте почти в два километра.

Да, взрыв тогда получился неплохой. Ухнуло так, что земля зашаталась. Пламя уперлось в ши-

рокую черную полосу, понатужился и... сдалось. Через девятнадцать часов после появления парашютистов пожар был потушен.

Но успеют ли они заложить заряд до того, как пожар станет верховым, — вот что волновало теперь Ярового. Ведь тогда и взрывчатка не в силах будет им помочь.

«Только бы успел вертолет, только бы успел», — с нетерпением и тревогой думал он, прислушиваясь. Ему казалось, что со своим отрядом он сдерживает натиск превосходящих сил противника, ожидая с минуты на минуту прихода подкрепления. Отряд стоит насмерть, выигрывая своим упорством драгоценные минуты, зная, что от него зависит судьба всего фронта.

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Вертолет с опасным грузом повис почти над самой вершиной холма. Уму было непостижимо, как пилот умудряется управлять машиной в сплошном дыму. Винты бросали на лес сильные струи ветра. Казалось, ураган проходит по тайге.

С вертолета осторожно спустили старательно упакованные патроны со взрывчаткой, взрыватели со специальными воспламенительными трубками.

Яровой, Шестаков, Сиделкин и Шелест быстро, но осторожно приняли долгожданный груз, распаковали его.

Яровой, взяв в помощь трех парашютистов и четырех геологов, начал закладывать взрывчатку. Один выкапывал лопатой глубокую ямку, другой присоединял взрыватель к патрону, бережно укладывал его на дно, и ямку тут же засыпали. На поверхности оставался только кусок бикфордова шнура, возле которого ставили белый флажок. Флажки выстраивались в ровную прямую линию.

Это было соревнование в скорости с пожаром, который, словно почувствовав опасность, с новыми силами рванулся вперед. Парашютисты спешили. Нужно было выиграть время, чтобы не только вывести людей из зоны между взрывом и фронтом огня, но и произвести взрыв, и подготовиться к отжигу.

В этой спешке прошло полтора часа. Наконец длинный ряд белых флажков выстроился вдоль фронта пожара.

— Вывести людей! — приказал Яровой.

Пока парашютисты внимательно проверяли, не остался ли кто-нибудь за линией флажков, радист соединился с базой.

Послышался далекий голос Политова, который с нетерпением потребовал, чтобы ему доложили обстановку.

— Значит, готовы? — удовлетворенно сказал он. — Тогда действуйте.

— А потом отжиг от опорной, — сказал Яровой.

— Правильно. Только будь внимательней.

Сквозь чащу леса уже было видно, как огонь лижет деревья, как он торопится взобраться на холм. Теперь-то его никто не сдерживал.

Парашютисты бегали от одного флажка к другому, подносили фитили к шнурам и тут же выдерживали флажки.

Когда не осталось ни одного флажка, люди метнулись в лес, спрятались за деревья.

И тут же послышались взрывы. Постепенно они слились в один сплошной гул. В небо взлетели ветки, земля, кусты.

Приподняв голову, Иван увидел широкую сероватую полосу, которая, словно река, легла на пути пожара. Несмотря на усталость, Яровой чувствовал прилив радостной энергии. Опорная полоса есть, теперь можно приготовить пожару последний сюрприз.

— Собрать хворост, — громко крикнул Иван, — поджигать только по моему сигналу.

Ветер дул пожару в спину, перед фронтом огня возникала встречная тяга, воздух двигался на огонь. Кромка пламени бежала по лесной подстилке, задерживаясь в кучах валежника, в зарослях вереска и багульника. Языки огня лизали нижние ветки деревьев, пытались взобраться на стволы по бородам лишайников.

И вдруг навстречу им, вспыхивая в кучах валежника, побежал другой огонь.

Пожар рванулся вперед, но подстилка была уже выжжена, обгорели кусты вереска и лишайники — не осталось пищи для огня. Пламя, взметнувшееся было кверху, сразу осело, присмирело. Оно все еще плевалось искрами, горящими ветками, но они попадали или на обгоревший участок или на заградительную полосу, образовавшуюся после взрыва.

Теперь уже парашютисты со своими помощниками перешли в наступление на огонь.

* * *

Третий день идет нудный октябрьский дождь. На улице холодно, сыро, скучно. А здесь, в комнате, где собрались парашютисты, тепло и даже как-то уютно, несмотря на «казенную» классную обстановку — черная доска, черные столы, длинные скамьи.

Патрульного вылета сегодня не будет. Ни к чему он сегодня — осенние дожди не дадут развернуться огню. Но парашютисты — вместе. Тянет их сюда, как в семью...

Сильным, сочным баритоном заводит Петя Шелест песню. Красивым, чистым тенором подхватывает ее Владимир Быстров. Басом вторит Иван Яровой. И через минуту поют все не совсем, может быть, стройно, зато с душой, проникновенно. Один только Алеша Ромин не поет. Переводя взгляд с одного лица на другое, он тихо шепчет:

— Друзья, друзья...

А песня все крепнет и крепнет. Ей тесно в комнате, она вырывается из нее. И идущий по коридору Федор Петрович Политов останавливается, прислушивается. Постояв, он идет дальше и с улыбкой говорит вслух:

— Спелись! Здорово спелись!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прыгать будут двое	5
Опасения подтверждаются	14
Неравная борьба	23
Грозит верховой .	33
Только бы выстоять...	41
Последняя схватка	51

Анатолий Викторович Соколов

ПЛАМЯ НАД ТАЙГОЙ

Редактор *А. М. Граевский*. Художественный редактор *М. В. Тарасова*.
Технический редактор *Г. М. Езов*. Корректор *М. Ф. Кузьмичев*.
Подписано к печати 31 IV 1962 г. Формат 70×108^{1/2} мм, бум. л. 0,875, п. л. 1,75
Уч.-изд. 2,0 (учл.-прив. 2,3975 л.) ЛБ18099. Тираж 50 000 экз. Цена 6 к.
2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1447.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека путешествий и приключений

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Выпуск 1. А. Домнин. **Дикарь**. Цена 6 коп.

Выпуск 2. М. Заплатин. **На гору каменных идолов**. Цена 12 коп.

Выпуск 3. Н. Чернышев. **Западня**. Цена 8 коп.

Выпуск 4. А. Ромашов. **Лесные всадники**. Цена 11 коп.

Выпуск 5. Ю. Вылежнев. **На лосях**. Цена 13 коп.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Выпуск 6. А. Белоусов. **Камень нерушимый**.

Выпуск 8. А. Крашенинников. **В лабиринтах страны Карст**.

Выпуск 9. Н. Чернышев. **Находка беглого рудокопа**.

Выпуск 10. А. Граевский. **На север!**

Выпуск 11. А. Ромашов. **Золотой исток**.